

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПО СЛЕДУ ВАКХА .

Кто ты: пьяница? глубочайший старик?
 Складки лба твоего, кожа щек
 тверды как цемент, точно так же серы.
 Стерва, и та не коснется
 твоих занавоженных скул.
 И это образовалось из сахарного младенца?
 Да, приходится верить.

Одежда твоя, лишенная линий и цвета,
 стала, как видно, частью плоти твоей.
 Представить себе, как снимаешь ее перед сном,
 как опять надеваешь ее по утрам,
 так же странно,
 как представить, что волосы за макушку
 трехперстьем убираешь со лба,
 с покатоного блеклого черепа
 и кладешь на некрашенный табурет,
 где лежит уже маска лица, и уши свисают над полом.

Дивно слово, которое вздумаешь произнести,
 человек, лишенный фамилии,
 придержавший лишь двусложное имя,
 которым окликнуть тебя в присутствии тезки -- неловко.

Недельный покойник
 выглядит респектабельнее тебя.
 Пес, воспитанный в злобе,
 рядом с тобой прекращает рычанье
 и глядит со снисходительной укоризной.

Где-то еще кричит не смолкая,
 крылья ломая,
 мамы твоей

верная горю душа, --
не слышишь, памяти нет,
стерла белая лихорадка
даже тягучку мольбы
в глазах твоих, равным фальшивым камням,
вправленным в деревяшку чуждого идола.

Жаль, человеке,
нет тебя с нами,
а мы тут штурмуем вселенную.

ПОРТРЕТ

Наблюдаю за одним человеком.

Ранним утром, руки сложив
на задубелом, кровавом переднике,
надзирает он желчно,
как несут для него молодцы
тяжеленные части животных.

Флегматический дядька,
как он машет своим топором
над плахой,
стряхнув предварительно
крупную грязную соль.
Красные клочья
он ловко швыряет на тонкий металл.

Еруслан-закатанные-рукава,
доблестный жулик,
пастуха отдаленный собрат,
так усерден, так любит работу:

жемчужины горького жира
в неумытой блестят седине,
и ботинки -- не зашнурованы.

МЕСТО ДЛЯ ЛЮБВИ

Гроб сентября, усыпанный листвой,
в саду стоит.
И яблони костлявой
черные персты
над ним дрожат в безгласном ритуале
/не яблони, так вишни/.

Голос твой,
слова, которых смысл теперь укрыт,
ночуют третью ночь в моем ушном канале,
и третью ночь подряд
я в холод выхожу
к сентябрьскому гробу,
твоим озвучивая словом
предметное склонение ветвей
над прахом сентября, над памятью моей,
которая, как тайную хворобу,
заветы моего младенчества хранит,
в которых ангел спит,
в которых мнется стыд,
в которых тоже, помнится, сентябрьский гроб стоит,
но ровно ничего не связано с тобой.

ж ж ж

Уважение к старшим во мне неколебимо.
Чего стоит вся пытливость и мирная кручина моя,
если, родившись, я опаздал к сражению.

Вернуть бы хоть несколько лет -- и я увидел бы,
как подплывают к развалинам эшелоны,
как армия прибывает с чужбины,
как привозят обратно пушки,
сделавшие свое дело,
как возвращаются беженцы.

Пусть я еще не понимал бы тогда

объятий и слез, и взглядов девушек,
 и медного голоса радио,
 пусть не мог бы еще улыбаться
 приливу энтузиазма и обывательства,
 но я чуял бы, что нужно идти на дороги,
 и шел бы,
 и видел,
 как идут солдаты с использованными винтовками,
 как им к лицу гимнастерки
 и мундиры,
 и колпаки,
 и шпаги,
 и сапёрные,
 и толстые аркебузы,
 и ружья с фитилями,
 и напрасные ядра на телегах,
 и стенобитные машины,
 и копыя,
 и луки со стрелами...

И печальное, чистое дыхание кровавой победы
 я никогда не смог бы забыть.

ЖРИТЕ ВИШНЮ

"Мальчик, посмотри на эту вишню.
 Ведь она цветет не для человека:
 в муках вишня цветы рождает --
 разве это не героизм, мальчик?"

/Дэун Таками/

Вишни сегодня полно:
 глаз не хватит, чтоб счесть
 сколько их выперло, кругленьких красных ягод.
 Не говорю уже о садах и усадьбах,
 в каждом дворе, на улице --
 всюду, где только возможно себе представить,
 вы можете хватать се пригоршнями, не глядя.

Вишня -- бесплатно!

Жрите!

Суйте ее в рот горстями!
Выплюньте,
размазывайте ее по лицу
/вы будете при этом похожи
на человека, избитого в кровь/
швыряйте ее друг в друга,
резвитесь --
вишни хоть отбавляй.
Всем достанется.

Могут нажраться даже те,
кому это никогда не удавалось,
и те, что живут на отшибе земли
и не знают, что это такое -- вишня,
и те, что валяются грязные в трясине окопов,
и те, что сидят в тюрьме
за политические убеждения --
черт с вами --
вишни сегодня от пуза!

Налетайте, добрые люди!
Вишня -- хорошая штука:
из нее делают компот и повидло,
сиропы и крепкую наливку,
ее можно совать в пирожки и вареники,
замораживать и хранить долгое время.

Жрите вишню, товарищи!
Мы обязаны сожрать ее всю без остатка,
мы не можем заставить ее гнить на ветках --
это было бы равнозначно подлости,
деградации нравов
и вырождению цивилизации!
/Не смейтесь:
когда-нибудь вы поймете
насколько это серьезно/.

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ

Все вспыхнуло. Взбесившееся солнце

ударило в октябрьский барабан,
и всех своих старух увидел мир,
на деревянных лавках ждущих сонно
известий дивных из заморских стран.

Я отравился светом. Я оделся
шаманом и в бреду затанцевал;
я был хитер и грустен, как Одесса,
и добр, как конь, сраженный наповал.

Беснуясь, я не знал, куда мне деться,
закрыв глаза, забыл родной язык.
Соленый, раскаленный запах детства
вошел в меня внезапно, словно крик.

И понял я, как весь ему я предан,
как властно он в душе моей притих,
и понял я, что ни одну не предал
из праведных наивностей моих.

О сладкий дух, смиренный дух окраин...
Навеки, память солнечной поры,
свинцом печали я к тебе припаян,
хотя во многом вышел из игры...

Старухи спят на лавках деревянных,
над крышами стихает барабан,
и, как убитых, подбирают пьяных
и бережно разносят по домам.